

Роберт Ригчер

Эдуард Губер

Странными бывают и судьбы людей, и память о них.

Эдуард Губер – из таких.

Современники прочили его в преемники Пушкину, ныне же его имя знают разве что историки русской литературы.

Он родился 1-го мая 1814-го года в колонии Мессер (Усть-Залиха) в семье тамошнего лютеранского пастора Иоганнеса Самюэля Губера и его жены Луизы, урождённой Виганд.

Ребёнок был смышлёным с детства: к семи годам умел не только читать и писать по-немецки, но и шустро изъяснялся с отцом по-латыни. Учителем был, конечно, сам пастор, выпускник богословского факультета Базельского университета.

В 1823-ем году отца перевели на службу в Саратов в евангелическо-лютеранскую консисторию. Тут и выявились издержки отцовского воспитания: латыни он сына обучил, а вот по-русски тот не знал ни слова. Но не прошло и года, как младший Губер освоил язык настолько, что смог поступить в русскую гимназию.

Мужская гимназия была открыта в Саратове всего за 4 года до этого. Здание её (до этого оно было домом саратовского губернатора А.Д.Панчулидзева) существует и поныне – дом № 17 на улице Некрасова, там расположена областная прокуратура.

Учителем русского языка в гимназии был Ф.И.Волков, большой любитель и знаток поэзии; и юный Губер, уже до этого пытавшийся сочинять по-немецки (и по-латински!), под доброжелательным наставничеством Волкова начал писать русские стихи. Надо сказать, что учился он отлично, и не только по гуманитарным, но и по естественным дисциплинам: математике, физике, химии, астрономии.

Гимназию Губер закончил в 1830-ом году. Перед семьёй встал вопрос его дальнейшей судьбы. Отец настаивал, чтобы сын пошёл по его стопам и поехал учиться богословию в Дерпт, мать вообще не хотела его никуда отпускать, сам же абитуриент, втайне мечтая о славе Гёте и Пушкина, заявил о своём желании получить светское образование в столице империи. Решение было принято: 16-летний Губер едет в Санкт-Петербург.

Аргументов, определивших выбор именно Петербурга, было несколько. Во первых, туда направили свои стопы ещё несколько выпускников гимназии; во вторых, Губер получил рекомендательное письмо к поэту В.А. Жуковскому от

жительницы Саратова Баронессы фон Гойм, и наконец, третьим и самым главным аргументом явился тот факт, что там, в Санкт-Петербурге, обосновался человек, который мог бы и поспособствовать с определением на учёбу, и помочь в трудную минуту, и дать дельный совет. Этим человеком был Игнатий Аврелий Феслер (Ignaz Aurelius Fessler).

Он родился в Венгрии в 1756-ом году. Многосторонне образованный, был он, с одной стороны, теологом, симпатизирующим пиетизму, с другой стороны, одним из самых авторитетных специалистов по восточным языкам (древнееврейскому, фарси, арабскому, турецкому), с третьей, крупным знатоком древней и современной философии. В 1809-ом году Феслер был приглашён в Петербургский университет профессором ориенталистики и философии. Через несколько лет, узрев в его лекциях пропаганду идеи объединения всех христианских церквей, высшее российское духовенство объявило его атеистом и потребовало удаления из университета. Он уехал в Поволжье, некоторое время жил и служил Богу в Екатериненштадте и Вольске, потом перебрался в Сарепту. В 1819-ом году он был назначен суперинтендантом (главой) лютеранской консистории в Саратове. На этом посту он много сделал для улучшения преподавания в церковно-приходских школах немецкого Поволжья (в частности, активно поддерживал образовательные идеи пастора Конради из Грима).

В Саратове Феслер очень близко сошёлся семейством Иоганнеса Губера, поощрял поэтические опыты юного Эдуарда и оказал несомненное мистическое влияние на него и его поэзию (позднее Э. Губер в своей автобиографической поэме «Антоний» изобразил Феслера под именем Сильвио). В 1828-ом году пожилой уже Феслер снова уехал в Петербург и служил там в лютеранской консистории до самой своей смерти в 1839-ом году. Феслер был автором значительного количества теологических, литературных и исторических трудов, изданных в России и Германии.

Но вернёмся к Губеру. В Петербурге он по совету Феслера решил сдавать экзамены сразу в два учебных заведения: в университет и в институт корпуса инженеров путей сообщения. Он успешно выдержал экзамены и был зачислен и туда, и туда, но выбрал институт (он жив, кстати сказать, и поныне – это ЛИИТ советского времени, нынешний Петербургский государственный университет путей сообщения). Перевес в его пользу определило то, что университет был всё-таки привилегированным, дворянским учебным заведением, и Губер не без оснований опасался, что будет чувствовать себя в этой среде инородным телом; в институте же – как раз наоборот: здесь учились дети и мелкопоместных дворян, и купцов, и духовенства; и то оказалось привлекательным, что в институте, заведении почти военном, был свой жилой корпус для студентов и что их, студентов, здесь кормили и обмундировывали.

Первое, что решил сделать Губер, утвердившись в столице, – это попытаться где-нибудь напечатать свои стихотворения как собственные, так и переводные: из Гёте, Шиллера, Бюргера, Гёрдера, Шубарта. Возможности для этого в столице были: выходило десятка три литературных журналов, альманахов

и газет как маститых типа «Сына отечества», «Невского альманаха» или «Телескопа», так и менее популярных, вроде «Северного Меркурия», «Денницы» или «Сиротки».

Не сразу, но ему это удалось. В начале 1831-го года в журнале «Телескоп» был опубликован его перевод одного из стихотворений Шиллера, а в журнале «Северный Меркурий» - собственное его стихотворение «Разочарование». Потом его стихотворения стали регулярно появляться в разных изданиях,

О чём он писал? Это было время поэтов-романтиков. В стихах Губера – и собственных, и переводных – довольно часто звучали мотивы любви, дружбы, одиночества, разочарования в людях и в жизни. Покойный Вальдемар Эккерт считал, что это дань европейской моде, начавшей проникать в Россию. Вряд ли с этим следует безоговорочно соглашаться. Как говорил Гёте: «*Wer den Dichter will verstehen, muss in Dichters Lande gehen*». Художники и поэты – люди зачастую не от мира сего; они острее, чем другие, реагируют на неурядицы, невзгоды и обиды; они могут прийти в отчаяние от пустяка, какая-нибудь незначительность может вызвать у них ощущение тупика, безысходности. По своему психическому складу Губер был типичным представителем этой среды. К тому же надо учесть, что ему было меньше 20-ти лет, что он, домашний ребёнок, жил теперь среди чужих людей (в общежитии, как сказали бы мы сегодня); родные его были бог весть как далеко; он был беден и стеснителен, но крайне самолюбив, и оттого трудно сходился с людьми. Разве не было ему одиноко? Разве не было у него причин приходить в отчаяние? Разве не мечтал он, одинокий и гордый, о верном друге или нежной возлюбленной? Нет, его поэтическое настроение, его стихи были отражением его внутреннего мира, состояния души и чувств его, а не данью моде.

В столице основным занятием Губера стала не учёба в институте (она давалась ему легко), а сочинительство и переводы. И даже больше переводы, чем сочинительство. С первого же года жизни в Петербурге он взялся за перевод на русский язык «Фауста». Гёте писал его чуть ли не всю жизнь: начал в 1774-ом году, первую часть опубликовал в 1808-ом, вторую – в 1831-ом, незадолго до смерти. Не зря о нём говорили: «Мудрый Гёте как будто надолго рассчитал свою жизнь – он не спешил, он уравнивал на весах бытия свои страсти и своё писание, он мог и любить, и служить, и писать одновременно».

Гёте мог, а вот Губер – не очень. Он отдался своей страсти почти целиком. Работал он над переводом первой части «Фауста» почти 5 лет. В 1835-ом году полностью готовая рукопись была представлена в цензурный комитет.

Оттуда пришёл категорический отказ.

Отчаяние довело Губера до умопомрачения: он сжёг рукопись. Кто знает, чем всё это, принимая во внимание поэтическую неуравновешенность характера его, могло кончиться.

Вернул его к жизни Александр Сергеевич Пушкин.

Пушкин и Губер – это особо важная часть нашей темы. В краткой статье о Губере в Большой советской энциклопедии написана фраза, звучащая как

приговор: «Как поэт Губер сформировался под влиянием пушкинской школы, однако содержание его лирики ограничено узким кругом личных настроений и склонностью автора к внешним эффектам». Положим, ничего плохого в том нет, если молодой поэт формируется под влиянием такой школы, как пушкинская. А кто из авторов не склонен к внешним эффектам? А много ли таких, у кого содержание лирики не ограничено узким кругом личных настроений? Думается, что осуждать здесь особо не за что.

Считается, что до случая с рукописью «Фауста» поэты лично знакомы не были, что Пушкин знал Губера только по публикациям в печати. Есть основание предполагать другое, и вот почему. В 1833-ем году состоялась поездка Пушкина по местам пугачёвского восстания. Точно известен его маршрут от Петербурга до Уральска. А вот относительно пути следования от Уральска до Болдина единства во мнениях у пушкинистов нет. Одни считают, что он ехал почти напрямую, через Сызрань, другие – а в их числе П. Анненков, Б.Томашевский, М. Цявловский – полагают, что через Саратов и Пензу. Довод их убедителен. Как мог Пушкин, собирая материалы по пугачёвскому бунту, не побывать в Саратове и в Пензе, где хранилось множество документов о событиях тех дней? А если Пушкин был в Саратове, то он обязательно должен был ознакомиться с документами об участии в восстании немцев-колонистов; известно, что эта тема его интересовала. Материалы по ней могли быть и в губернской канцелярии, и в конторе опекунов иностранцев, и у местного резидента только что образованной Генеральной евангелическо-лютеранской консистории, обязанности которого исполнял Иоганнес Губер. Пушкин при его дотошности побывал, конечно, везде, в том числе и у И. Губера. И при этой встрече отец, естественно, не мог не попросить гостя навестить в Петербурге его сына Эдуарда, а Пушкин не мог этого не пообещать. Зная его обязательность, не приходится сомневаться, что это обещание поэт выполнил. Так что вполне вероятно, что Губер и Пушкин могли лично познакомиться сразу после возвращения Александра Сергеевича в столицу в конце 1833-го года.

Узнав от кого-то о постигшем Эдуарда Губера несчастье, Пушкин разыскал его, сказал ему какие-то утешительные, ободряющие и вдохновляющие слова и убедил его немедленно начать работу по переводу «Фауста» снова.

Губер так и сделал. Пушкин, к тому времени практически уже решивший все организационные вопросы по открытию собственного журнала, пообещал Губеру помочь преодолеть цензурные препоны и напечатать перевод «Фауста» в «Современнике».

7-го января 1837-го года (по старому стилю) Пушкин был смертельно ранен на дуэли и через два дня умер. Со школьной скамьи знаем мы о страстном лермонтовском стихотворении «На смерть поэта». Но мало кто ныне знает, что многие поэты, известные нам и не известные, своими стихами отозвались на смерть его; и в стихах их выразилось и чувство глубокого горя, и сознание национальной утраты, и надежда на наказание убийцы.

Среди этих поэтов был и Губер. Его стихотворение, как и лермонтовское, в списках ходило по рукам. Конечно, оно уступало лермонтовскому и по накалу страсти, и по мастерству и, как показала жизнь, было обречено на забвение, как и многие другие. Но тут нелишне заметить, что этому способствовал и императорский запрет на печатание любого стихотворения на смерть Пушкина, последовавший 27-го февраля 1837-го года, сразу после завершения следствия по делу Лермонтова.

Губеровский перевод первой части «Фауста» был напечатан в журнале «Современник» в 1838-ом году. Вольно или невольно П.А.Плетнёв, ставший издателем журнала, выполнил обещание, данное автору Пушкиным.

Известно 23 перевода «Фауста» на русский язык, но губеровский был первым и довольно долго самым популярным. Лишь в начале 20-го века появился ставший классическим перевод, сделанный Н.А.Холодковским, а в середине века – пастернаковский перевод, которому отдают предпочтение в наши дни.

«Фауста» в подлиннике образованная публика читала, конечно, и до Губера. Но когда перевод вышел в свет, тогда, несмотря на то, что рукопись на этот раз прошла через цензуру, поднялся шум. На головы Губера и Плетнёва в различных печатных изданиях посыпались обвинения в безбожии, в развращении молодёжи, вплоть до того, что самого Губера стали отождествлять с Мефистофелем. Но то была одна часть общества. Другая приветствовала автора и за талант, и за трудолюбие, но главное, конечно, за то, что он открыл всем слоям читающей публики очень интересное произведение, уже 30 лет как известное европейскому читателю. И.А.Крылов в шутку на людях преподнёс автору один листок из своего лаврового венка (заодно и сострил: «Больше не могу, а то в суп класть нечего будет»); В.А.Жуковский, который когда-то ввел Губера в петербургские поэтические круги и считавший себя его наставником, везде, где только представлялся случай, расхваливал автора и его перевод; а сестра императора, великая княжна Мария Павловна, в пику всем критикам поэта подарила ему бриллиантовый перстень.

А Губер продолжал писать стихи. Одни исследователи поэтического творчества того периода усматривают прямое влияние на него поэзии Лермонтова (не учитывая при этом, что они одногодки), другие же утверждают, что общность лирических тем и мотивов – черта, характерная для всех поэтов-романтиков 30-40-х годов XIX века, и Губер – их типичный представитель. Вряд ли есть смысл оспаривать ту или другую точку зрения. Всё-таки главное было в том, что стихи Губера многим его современникам нравились, а кому-то и очень нравились.

В 1845-ом году в Петербурге вышла книга «Стихотворения Эдуарда Губера». В ней были собраны его собственные и переводные стихи, а также автобиографическая поэма «Антоний» (к тому времени им была написана ещё одна поэма – «Прометей», но она не прошла цензуры и в сборник не вошла).

В том же году в журнале «Отечественные записки» совершенно неожиданно появился довольно доброжелательный отзыв об этой книге В.Г.Белинского, до того не скрывавшего своей явной неприязни к Губеру, в котором известный критик отмечал многие достоинства стихов: многообразие тем, отшлифованность форм, полноту чувств – свидетельство несомненного таланта автора.

В начале 60-х годов XX века известный литературовед И.Андронников с присущим ему блеском рассказал историю, связанную со стихотворением «Mon Dieu» («Мой Бог»), присланным ему одним из радиослушателей. Оно никогда нигде не печаталось, ходило в списках, причём, то в полном, то в укороченном, а то и дополненном разными авторами виде. Оно исполнялось как романс, распевалось как народная песня. Авторство стихотворения приписывалось Лермонтову, Рылееву, Веневитинову, Языкову и даже какому-то Деларю. В конце концов Андронников предположил, что наиболее вероятный автор стихотворения – это Эдуард Губер.

Краса природы, совершенство!
Она моя, она моя!
Кто разорвёт моё блаженство,
Кто вырвет деву у меня?
Пускай идут цари земные
С толпою воинов своих.
Что мне снаряды боевые?
Я смело грудью встречу их.
Они со всей земною силой
Её не вырвут у меня,
Её возьмёт одна могила –
Она моя! Она моя!
Она моя! Пускай восстанет
И ад, и небо на меня;
Пускай смерть грозно в очи взглянет –
Против всего отважусь я!
Пусть Бог с лазурного чертога
Придёт меня с ней разлучить –
Восстану я и против Бога,
Чтобы её не уступить.
.....
Она одна моя святыня,
Всех радостей моих чертог.
Мне без неё весь мир – пустыня,
Она – мой Бог, она – мой Бог.

Когда всё это было написано, не установлено. И уж тем более не установлена она – женщина, вдохновившая поэта на эти полные восторга и преувеличений стихи. Хотя... вряд ли есть смысл подходить к кажущейся

излишней их патетике с мерками сегодняшнего дня, когда искренность вызывает усмешку, восторженность – удивление, а пафос – презрение.

На что он жил? Наивно думать, что на гонорары от стихов. Губер успешно закончил институт в 1834-ом году, был выпущен в чине прапорщика и определён там же, в Петербурге, на службу военным инженером. Через 4 года, уже будучи капитаном, он подал в отставку и поступил гражданским чиновником 8-го класса в канцелярию графа Клейнмихеля, который в то время руководил восстановлением сгоревшего в 1837-ом году Зимнего дворца. В 1842-ом году Губер оставил государственную службу, мотивируя это слабым состоянием здоровья, что было чистой правдой, и полностью отдался литературной деятельности и сотрудничеству в журналах. Его стихотворения, критические статьи по литературе и философии печатались во многих журналах: «Телескопе», «Сыне отечества», «Отечественных записках», «Современнике», «Библиотеке для чтения», а также в «Литературной газете» и «Энциклопедическом лексиконе».

Уже тогда, когда вышел том «Стихотворений», Губер был серьёзно болен. Чахотка. Болезнь усиливалась, поэт слабел телом и духом.

11-го апреля 1847-го года Эдуард Губер скончался.

Он прожил почти 33 года, чуть больше Лермонтова, чуть меньше Пушкина. Шестнадцати лет уехав из дому, он к родным так и не возвратился. Своей семьи он тоже не завёл. Горько оплакивать на похоронах его было некому. Родители его уже давно, с 1834-го года, жили в Москве, но тогда ведь не было ни телеграфа, ни поездов, ни самолётов. Узнав о смерти сына, приехали отец и мать в Петербург поклониться его могиле, оплакать его и поставить на ней памятник.

И автора, и стихи его быстро стали забывать, и только перевод «Фауста» (а в 1840-ом году был опубликован губеревский перевод и второй части поэмы) напоминал читателям о нём.

В 1859-60 годах в Петербурге под редакцией А.Тихменёва, земляка и близкого друга поэта, вышли из печати 3 тома под названием «Сочинения Эдуарда Губера», в которых были и стихи, и «Фауст», и его критические статьи. В 1883-ем году увидела свет его поэма «Прометей». После этого до 1914-го года пусть хоть изредка, но появлялось в печати какое-нибудь его стихотворение, а потом – вообще ничего. Немного о творчестве Губера написал В.Розанов в 1914-ом году в своей статье «Отзвуки Лермонтова». Последнее упоминание о нём – одна страница в книге Б.Букштаба «Поэты 1840-1850-ых годов», вышедшая в Ленинграде в 1972-ом году.

Немало стихотворений написал Губер и на немецком языке, но при его жизни они не печатались. После его смерти кое-что изредка появлялось в немецкоязычных изданиях.

Одно из них, стихотворение «Gedenke mein», В.Эккерт назвал «квинтэссенцией его жизни».

Wenn fern von hier in friedlichen Gefilde
Die Freude dich mit Kranz umschlingt,
Und deine Brust in irren Traumgebilde
Ins stille Reich entflohner Tage dringt;
Wenn vor dem Sturm des schnell verprassten Lebens,
Noch fern vom Ziel, des Pilgers Brust erbebt,
Wenn einst im Meer des Wissens und des Strebens
Mit Adlerflug sich der Gedanke hebt-
Gedenke mein!

Wenn spaet daheim beim traulichen Gelade
Der Gottertrank im in deinem Glase schaumt,
Wenn schmerzmutsvoll vom Gluecke fernen Tage
Die treue Brust der ernstesten Freunde traumt;
Gedenke mein zur Stunde deiner Leiden,
Wenn Kummer dich in schwere Fesseln bannt,
Wenn Glueck und Ruh auch deine Hutte meiden
Und herber Schmerz an dein Gesicht dich mahnt –
Gedenke mein!

Auch ich genoss den suessen Kelch des Lebens
Den freudentbrannt der trunkte Jungling halt,
Auch mich verschlug der Sturm des eilten Lebens
In das Gewuhl der trugerichen Welt,
In jene Welt, die das Verdienst misskennet,
Die Todesgift dem Biedermaenne zollt,
Die Wahrhiet hehlt, die Bruederherzen trennet,
Und freiem Mut mit arger Rache grollt.

Я попробовал сделать перевод на русский язык этого сложного для меня текста. Перевод этот не претендует, конечно, на полную идентичность, тем более идентичность художественную, а есть лишь приблизительная аналогия с подлинным текстом.

Коль далеко от нас, в тиши поместья,
Вдруг ощутишь ты радости венки,
Иль у камина ты с друзьями вместе
И в звонких кубках пенится вино;
Иль в гонке за познанием вдруг капризно
Придут воспоминанья и мечты,
Или при штурме бастионов жизни
В плече товарища нужду почувешь ты –
Меня ты вспомяни!

Когда тоска змеёй проникнет в душу
Иль горе горькое придёт в твой дом,
Когда забот ярмо твой мозг иссушит,
Кандално-мерзко станет всё кругом;
Иль в беге за летящей в бездну жизнью,
От цели далеко, поймёшь ты: краток срок.,
И грызть начнёт всё чаще мысль о тризне,
И ты в бессилье скажешь: «Это рок!» –
Меня ты вспомяни!

В пьянящей юности мне мнилось: мир так ясен.
С восторгом пил я сладкий жизни мёд.
Теперь я знаю: этот мир ужасен,
Обманчив, как осенний тонкий лёд.
Здесь честный презираем, как калека,
Здесь правят зависть, и корысть, и лесть,
Здесь по заслугам не восславят человека
И злобно мстят за мужество и честь.

И всё-таки почему о нём так быстро забыли, ведь – об этом уже говорилось – современники пророчили ему чуть ли ни славу Пушкина?

Думается, что причин здесь несколько.

Во-первых, это то, что поэзия в первой половине XIX века была утехой дворян, зачастую именитых, которые к представителям других сословий относились как к поэтам второго сорта и в свою среду допускали с большой неохотой. Этой болезнью болели и многие читатели.

Второе – это наличие в российской поэзии таких колоссов, как Пушкин и Лермонтов, в тени которых плохо видно было не только поповича Губера, но и своих же дворян, тех же Боратынского и Веневитинова, например, которым ведь тоже предсказывали мировую славу.

И, наконец, третье: в России поэтов всегда было больше, чем могли переварить читатели. Приходили молодые, и за ними быстро забывались прежние кумиры, потом приходили ещё молодые, и ещё. Да и к самой поэзии у большинства читателей отношение такое же как, например, к мороженому на десерт: есть – хорошо, нет – ну и ладно.

А что же русские немцы? Интеллигенция, конечно, знала о нём, но в судьбе немецкого народа в России вскоре наступили такие времена, что стало не до Губера. Ныне же кое у кого вновь проявляется к нему интерес: достаточно прочесть прекрасный, информационно богатый очерк о нём профессора Альберта Обгольца.